Леонид Венгеровский

Часы не бегут от времени

книга вторая

Виражи судьбы

Леонид Венгеровский
Виражи судьбы

https://litres.ru/74700272
SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга серии «Часы не бегут от времени» продолжает историю семьи Анны. 1965 год. Сын Дэвида и Анны, лучший пилот Академии ВВС Гордон Кэмп и его лучший друг, второй пилот Питер Сиверс, получают назначение во Вьетнам. Но вместо легкой прогулки друзья оказываются в настоящем аду, где нет месту браваде, а все решает мастерство и удача. Доктор Аэродинамики Анна и ее муж, Суперинтендант Академии ВВС Дэвид, безуспешно штурмуют высшие эшелоны Пентагона ради внедрения изменений в конструкцию истребителя «Фантом», на котором воюет их сын. Любовь и отчаяние, горькие разочарования и новые горизонты, неожиданные виражи судьбы – и все это, как и в первой части, на фоне реальных исторических событий и персонажей. Война, которая восторженных мальчишек превратила в мужчин с полным переосмыслением жизни. Как не сломаться и найти в себе силы идти дальше, продолжать жить и любить? Конфликт поколений и манящее чистое небо – в продолжении семейной авиационной саги.

Виражи судьбы

Часы не бегут от времени
Книга вторая
Виражи судьбы

Часть 1

1
1965

Сентябрьское солнце 1965 года лениво заливало просторную гостиную, высвечивая каждую пылинку, кружащуюся в воздухе. Семьдесят пять лет — не шутка, особенно когда собственные ноги отказываются служить исправно, а пальцы, когда-то с легкостью перебиравшие поршни, теперь едва сгибались.

Кен Филлипс бродил по комнате, раздраженно гремел кофейными чашками на журнальном столике и переворачивал диванные подушки.

— Мэг! — крикнул он в сторону кухни, откуда доносился мерный стук ножа и аппетитный запах жареного лука. — Куда делась сегодняшняя газета? Мальчишка бросил её на крыльцо еще в семь утра, я точно слышал!

Из кухни показалось миловидное лицо Мэгги Хиггинс. Ей было семьдесят два, но в её глазах по-прежнему горел тот самый огонь, который когда-то и привлек Кена. Она вытерла

руки о передник и оперлась о косяк.

— Остынь, Кенни. Я, кажется, почистила в неё картошку. Возьми вчерашнюю, какая тебе разница? Новости трехдневной давности в Вашингтоне для нашего городка всё равно как завтрашний день.

— Какая разница! — проворчал Кен, опускаясь в глубокое кресло, которое казалось слишком огромным для его исхудавшего тела. — Вчерашнюю газету принесли вчера, Мэг. — глубокомысленно изрек он. - Я ее уже два раза читал.

Он обвел взглядом комнату. Стены, выкрашенные в светлые тона, огромные окна, пропускающие слишком много ленивого нью-йоркского света. Всё это сделала Анна. Его дорогая Энни.

В сороковом году, когда её первый муж Гордон разбился на испытаниях этой чертовой «Аэрокобры», Кен думал, что потеряет дочь. Но она выстояла. Стала доктором аэродинамики, заново выстроила жизнь с этим обходительным английским летчиком, Дэвидом, который теперь командовал целой Академией ВВС в Колорадо-Спрингс.

Кен долго сопротивлялся и не давал Анне ремонтировать свое жилище. Но 6 лет назад сдался. Анна приехала сюда с бригадой строителей и полностью перестроила дом, который Кен возвел своими руками еще в 1920-м. Они тогда на три месяца переехали в дом Мэгги, и Кен каждый день ходил на стройку и ворчал на рабочих. Он замечал каждую мелочь — как вымешивают бетон, как кладут краску или вы-

ставляют окна по уровню. Рабочие еле сдерживались, чтобы не послать деда куда подальше, но им объяснил бригадир, что, во-первых, это хозяин дома, а во-вторых — контракт на ремонт подписан на серьезную сумму, поэтому всем было строго указано держать язык за зубами.

— Светло, просторно… — пробормотал Кен, качая головой. — Анна расстаралась, конечно. Но всё равно — не то. Раньше углы были уютнее. И пахло деревом, а не этой вашей модной краской.

— Может еще тебе не нравится центральное отопление, старый ты ворчун, — донесся голос Мэгги, уже вернувшейся к плите. — Скажи это своей пояснице в январе.

Кен промолчал. Он посмотрел на свои руки — мозолистые, с въевшейся мазутной чернотой, которую не могло вытравить ни одно мыло. Семьдесят пять. Зрение подводило. Раньше он мог разобрать карбюратор «Форда» с закрытыми глазами. Анна унаследовала этот дар — она видела механизм насквозь, понимала его душу, как будто сама его придумала. Теперь её дочка Кристина штурмует Боулдер, изучая аэродинамику, а внук Гордон, названный в честь погибшего летчика — лучший курсант у своего трехзвездного отца в Академии. Целая династия крылатых людей. А он, Кен, здесь, в своем доме, где на кухне все еще смотрит на него со старой фотографии в рамке его первая жена, Кристина.

— Не могу больше чинить машины, Мэг, — негромко, без прежней злости сказал Кен. — Возраст. И зрение… Гайку от

втулки не отличу на расстоянии вытянутой руки.

Мэгги тихо вошла в гостиную, неся в руках дымящуюся кружку черного кофе. Она поставила её перед мужем и мягко положила ладонь ему на плечо. Её собственное ателье на главной улице городка всё еще процветало — Мэгги до сих пор уверенно управлялась со швейной машинкой, принимая заказы на выпускные платья и костюмы.

— Зато у меня работы по горло, — тихо произнесла она. — Кто-то же должен кормить этого старого механика.

Кен накрыл её ладонь своей.

— Дети снова звали нас в Колорадо, — сказал он, глядя в окно, за которым расстилались далекие холмы. — Письмо вчера пришло от Дэвида. Говорит, дом огромный, места хватит. Но зачем им мешать, а, Мэг? У них там своя жизнь. Генералы, кадеты, аэродинамика… Что мы там забыли среди этих скалистых гор?

— И то правда, — согласилась Мэгги, присаживаясь на подлокотник. — Нам и здесь неплохо.

Кен вздохнул, его взгляд потеплел, устремившись куда-то в прошлое.

— Может, заведем собаку, Мэг? Помнишь Риччи? Настоящий был пес. Понимал всё без слов. Почему он умер раньше всех? Первым ушел… Несправедливо это. Хорошие псы должны жить долго.

Мэгги погладила его по седой голове, ничего не ответив. На кухне закипал кофейник, на столе лежала вчерашняя га-

зета, а за окном догорало золото американской осени 1965 года — тихой, размеренной и бесконечно далекой от шума больших скоростей.

Мэгги хоть и погладила его по голове, но промолчать, конечно, не смогла:

— Если мы заведем собаку, Кенни, гулять с ней в январский буран будешь ты. Так что решай сам.

Кен недовольно хмыкнул, пригубив горячий напиток, и снова уставился в окно. Мысли его неизбежно вернулись к семье. Гордон звонил всего три дня назад. Парень рос на редкость серьезным, рассудительным — весь в отца. Сам Дэвид, хоть и носил генеральские погоны Суперинтенданта Академии ВВС, солдафоном никогда не был. За его внешней строгой выправкой скрывалось огромное, чуткое сердце; он обожал Анну и детей больше жизни, но понятия чести и долга стояли у Кэмпов превыше всего. И именно это пугало Кена до дрожи в поджилках.

— Я вот всё думаю о Гордоне, Мэг, — Кен поставил кружку, и его голос помрачнел. — Парень ведь умница. Звонит каждую неделю, не забывает стариков. Зовет на выпуск в Академию, обещал показать что-то необыкновенное на аэродроме... Но у меня душа не на месте. Дэвид со своей этой честью... Как бы наш мальчик, которого я самолично учил крутить гайки и разбираться в железках, не угодил на этой волне прямиком во Вьетнам. Кому нужна эта чертова бойня в джунглях? А он ведь вот-вот станет элитным летчиком.

Самая мишень для этих азиатских зениток.

Мэгги помрачнела, на мгновение её бойкий язык притих. Нью-Йоркские газеты трубили об эскалации конфликта каждый день, и отправка молодых летчиков на передовую была делом месяцев.

— Дэвид убережет его, если сможет, Кен, — тихо сказала она. — Он любит своего сына.

— Может и любит, да только присяга для него — закон, — отрезал Кен, раздраженно махнув рукой. — А я так и не полюбил эту их авиацию, Мэгги. Сколько жизней она у нас унесла... Да и ладно бы нормальные самолеты были! А сейчас эта чертовщина вообще летает без пропеллера. Реактивные, мать их! Какого дьявола эта тяжеленная железная штука вообще держится в воздухе без винта? Чистое безумие. Земля — вот где надежность. А они всё в облака лезут. Анна туда же, теперь и Кристина...

При упоминании внучки лицо Мэгги мгновенно посветлело. Кристина была полной противоположностью брату — бойкая девчонка, свободная, веселая, с вечной улыбкой и бунтарским духом, который не могла сломить никакая отцовская дисциплина.

— Ну, Кристина-то летает больше в своих чертежах, вся в мать, — улыбнулась Мэгги, — Она мне тоже звонила. Обещала приехать проведать нас сразу после семестра в Боулдере. Но, знаешь что, Кенни? Хватит ворчать. Лучше мы сами соберем чемоданы и поедем к ним в Колорадо на выпускной

Гордона.

Кен удивленно воззрился на жену:

— Это еще зачем? Тащиться в такую даль ради этих свистящих железных бочек?

— Ради внука! — прикрикнула Мэгги, но тут же лукаво прищурилась. — Уж поверь мне, я тебя одену на этот праздник так, что ты будешь выглядеть как почетный мэр Колорадо-Спрингс. Семья генерала Кэмпа должна гордиться своими нью-йоркскими родственниками. У меня в ателье как раз лежит отличный отрез шерсти на костюм. Только сделай одолжение, механик: дойди наконец до парикмахерской на главной улице и подстригись. С этими твоими патлами ты сейчас похож не на почетного гостя, а на чистокровного домового!

Кен открыл было рот, чтобы привычно огрызнуться, но лишь тихо рассмеялся, качая седой головой. Против Мэгги и её швейной машинки у него никогда не было шансов.

2

Небо над Колорадо-Спрингс казалось выстиранным и натянутым, как холст, — пронзительно-синее, без единого облачка, слепящее горным полуденным солнцем 1965 года. На огромной площади Академии ВВС, со всех сторон зажатой монументальной футуристической архитектурой из стекла и алюминия, яблоку негде было упасть. Но всё внимание бы-

ло приковано к VIP-трибуне, которая сегодня напоминала ожившую обложку глянцевого журнала.

Здесь собрался весь цвет американского высшего общества и военной элиты. Офицеры в отутюженных парадных мундирах стояли навытяжку, чеканя приветствия. Гости составляли им под стать невероятно красивые, гармоничные пары. Мужчины, пахнущие дорогим табаком и лосьоном после бритья, щеголяли в отменно скроенных костюмах-тройках. Их спутницы являли собой абсолютный эталон элегантности эпохи, словно сошедшие с модных показов в Нью-Йорке. Повсюду мелькали строгие, но утонченные силуэты «а-ля Жаклин Кеннеди»: однотонные приталенные жакеты небесно-голубого цвета, свежие мятные оттенки и нежные костюмы цвета крем-брюле. Дамы, удерживая на локтях крошечные сумочки, поправляли миниатюрные шляпки-таблетки. Их прически — волосок к волоску, аккуратные начесы и лакированные локоны — оставались безукоризненными, несмотря на легкий горный бриз. Глаза большинства женщин скрывали остромодные очки «кошачий глаз» в толстой роговой оправе, добавлявшие их облику загадочности и шика.

В самом первом ряду, приковывая к себе уважительные взгляды, сидел хозяин этого торжества — Суперинтендант Академии, генерал-лейтенант ВВС США Дэвид Кэмп. В свои пятьдесят лет он сохранил поразительную статность и подтянутость. На его породистом лице, тронутом благород-

ной сединой у висков, отчетливо читались следы той яркой, мужественной красоты, которая когда-то покорила Анну. Синие брюки с лампасами и китель сидели на нём идеально. На погонах грозно поблескивали три серебряные генеральские звезды. Широкую грудь Дэвида украшали многочисленные ряды орденских планок, но самым примечательным элементом была редкая, потемневшая от времени британская нашивка 118-й эскадрильи RAF — память о суровых временах Второй мировой войны, когда он дрался в небе над Европой. Лицо генерала оставалось строгим, как и подобает командиру, но чуть заметное движение желваков и то, как крепко он сжимал подлокотник кресла, выдавали его глубокое волнение. Сегодня на полосу выходил его сын.

Рядом с ним, олицетворяя собой спокойную грацию, сидела его жена — Анна Кэмп. В свои сорок пять лет эта худощавая блондинка обладала редким даром притягивать к себе взгляды, не прилагая к этому никаких видимых усилий. Для выпуска сына она выбрала строгий, но очень элегантный костюм-двойку из тонкого полушерстяного сукна глубокого темно-синего цвета — Deep Navy. Её светлые волосы были собраны сзади в классический пучок French twist. Тонкие пальцы сжимали перчатки точно в цвет костюма, а на запястье Ани красовался её неизменный спутник — уменьшенный мужской хронометр на узком кожаном ремешке, подарок Дэвида, выдающий в ней доктора аэродинамики, привыкшего ценить точность до секунды. Лицо Анны скрывали

классические темные очки, но легкая, едва заметная улыбка выдавала, как сильно бьется её сердце.

Вдруг воздух над трибунами натянулся до звенящего предела, и в следующее мгновение пространство буквально разорвалось.

С грандиозным раскатистым ревом, от которого задрожали массивные бетонные перекрытия трибун и заложило уши, прямо над площадью в лазурное небо взмыл тяжелый истребитель F-4 PHANTOM II. Его два мощнейших реактивных двигателя работали на форсаже, сотрясая саму землю под ногами зрителей. За стремительно удаляющимся силуэтом самолета потянулся характерный, жирный черный шлейф — грозная визитная карточка этой невероятной машины.

На бешеной скорости, преодолевая сопротивление воздуха, «Фантом» заложил крутой, почти неестественный вираж, заставив многих дам на трибуне испуганно, но восторженно ахнуть и прижать ладони к груди. Многотонная стальная птица, казалось, опровергала все законы гравитации. Спустя секунду шок сменился ликованием: VIP-гости единодушно и восторженно зааплодировали, мужчины одобрительно закивали, а офицеры, забыв уставную строгость, начали обмениваться гордыми взглядами.

Дэвид Кэмп слегка подался вперед, его глаза за темными стеклами очков неотрывно следили за траекторией полета. В небе, оставляя за собой инверсионные следы, «Фантом» перевернулся на крыло. Гордон Кэмп начал свою сложней-

шую показательную программу, демонстрируя высшему обществу Америки, на что способен лучший выпускник Академии и будущее её элитной авиации.

Воздух внутри шлемофона казался густым, пропитанным резким, сухим запахом чистого кислорода и талька. Гордон Кэмп тяжело, с хриплым свистом втягивал эту смесь через резиновую маску, плотно прижатую к лицу. Каждый вдох давался с трудом, грудная клетка поднималась рывками, но взгляд пилота оставался спокойным и сосредоточенным. Глаза, зажатые узкой полосой между срезом защитного козырька и краем маски, были полны холодной решимости. За его спиной, в тесном пространстве задней кабины, утопая в паутине жгутов и приборов, сидел Питер Сиверс — его верный штурман и второй пилот.

Земля в фонаре кабины внезапно оказалась перевернутой. Огромный массив кадетского поля, трибуны, расчерченные серой сеткой дороги, и далекие Скалистые горы на миг повисли над головой, словно гигантский потолок. Гордон коротким, выверенным движением бросил ручку управления влево. Многотонный «Фантом» подчинился мгновенно, совершив молниеносную, чистую полубочку. Оглушительный мир за толстым стеклом крутанулся и встал на свое законное место.

Прямо по курсу, стремительно увеличиваясь в размерах, неслось белое кадетское поле. Гордон стиснул зубы и с усилием потянул тяжелую ручку на себя, заставляя нос истреби-

теля задираться к зениту. В ту же секунду пятикратная перегрузка обрушилась на его тело. Жесткое давление вдавило парня в чашку кресла, наливая тяжестью руки и ноги. Лицо под резиновой маской исказилось, щеки потянуло вниз, а перед глазами на мгновение поплыла серая пелена. Но Гордон держал машину мертвой хваткой. Земля уходила под хвост, в лобовое стекло живой лавиной возвращалось синее небо, а на приборной панели планка авиагоризонта послушно застыла на нулевой отметке. Стрелка указателя скорости поползла вниз, проседая к четыремстам пятидесяти узлам.

Тяжелая машина с грохотом, похожим на раскат грома, ушла строго вертикально вверх, начиная сложнейшую «Кубинскую восьмерку». Двигатели General Electric ревели на пределе возможностей, толкая борт вверх. Заложив идеальную крутую петлю, истребитель на долю секунды замер в самой верхней точке — совершенно неподвижный, застывший «вниз головой» на фоне пронзительной лазури, после чего камнем устремился в пике под углом сорок пять градусов.

На VIP-трибуне Дэвид Кэмп едва заметно, одними уголками губ, одобрительно кивнул. Его наметанный глаз старого аса сразу оценил идеальный радиус траектории. Анна, не шевелясь, смотрела в небо сквозь темные стекла очков, ловя силуэт самолета. Вокруг них дамы судорожно придерживали свои элегантные шляпки-таблетки, спасая прически от резких порывов воздуха, и прикрывали ладонями глаза от палящего горного солнца. На трибунах нарастало осязаемое

оживление — все понимали, что на их глазах разворачивается потрясающее зрелище и старались не пропустить ни одного мгновения авиашоу.

С оглушительным, переходящим в ультразвук воем «Фантом» пронесся на минимальной высоте прямо над головами зрителей. Скорость была такой, что ударная волна заставила задрожать натянутые тенты.

В наушниках Гордона раздался сдавленный, хриплый голос Питера. Через интерком было слышно, с каким трудом штурман преодолевает последствия нахлынувшей перегрузки: — Горд… красиво, конечно. Но меня сейчас вжало в это кресло так, как будто на мне вся женская сборная Колорадо по регби. Вместе с тренером.

— Не отвлекайся, Пит, — отозвался Гордон, даже не улыбнувшись. Голос его звучал ровно, несмотря на бешено бьющееся сердце. — Выполняем «Колокол». Нос вверх!

Истребитель резко, почти свечой задёрнул нос к небу. Тяга двигателей упала, скорость на приборах начала стремительно таять. Огромная боевая машина, подчиняясь воле молодого пилота, буквально замерла в верхней точке траектории, лишившись подъемной силы.

— Горд, мы висим задницей вниз прямо над VIP-трибуной, — выдавил из себя Питер, глядя, как под хвостом самолета замерли крошечные фигурки людей в парадных мундирах.

— Двигатели работают штатно, — хладнокровно отчека-

нил Гордон, контролируя параметры на панели. — Падаю на хвост через три… две… одна.

Огромный «Фантом» на мгновение замер в абсолютной пустоте, а затем резко, словно подкошенный, клюнул массивным носом вниз, переходя в отвесное, пугающее пике.

Сквозь плотные ряды чопорной публики, стараясь не наступать на начищенные туфли офицеров, уверенно пробирались двое. Они немного опоздали из-за заминки на парковке, но своим появлением мгновенно приковали к себе взгляды соседей по трибуне. Наряд Мэгги и Кена оказался ничуть не хуже, чем у самых изысканных VIP-гостей. На Мэгги было роскошное, сшитое собственными руками платье глубокого изумрудного оттенка, а Кен — аккуратно подстриженный, гладко выбритый и непривычно пахнущий дорогим одеколоном — щеголял в великолепном сером костюме из плотной шерсти. Мэгги действительно превратила своего ворчливого механика в настоящего почетного мэра, если не самого губернатора штата.

Кен близоруко прищурился, пытаясь разглядеть хоть что-то в слепящем солнечном небе, где в этот момент с жутким воем переворачивался многотонный истребитель. Он приставил ладонь ко лбу козырьком, шумно выдохнул сквозь усы и не удержался:

— Мать твою… Мэг, зачем я сюда приехал? Здесь же прямо на месте инфаркт можно заработать! Почему это он так дымит?

— Замолчи, Кенни, и шагай быстрее, — зашептала Мэгги, крепче перехватывая сумочку на локте и увлекая его за собой по проходу первого ряда. — Нас люди слышат. Вон они, гляди.

Они наконец подошли к местам, где замерли в напряжении Анна и Дэвид. Заметив родителей, Анна мгновенно повернула голову, и на её строгом лице появилась теплая улыбка. Дэвид, несмотря на всю свою генеральскую выправку и устремленный в небо взгляд, сделал шаг навстречу и крепко, по-мужски пожал Кену руку, а затем мягко приобнял Мэгги.

— тетя Мэгги, папа, вы всё-таки успели! — Анна быстро поцеловала Мэгги в щеку, помогая им присесть на соседние свободные кресла.

— Успели, Энни, хотя твой отец по дороге все время ворчал и не хотел ехать, — Мэгги пригладила юбку и тут же устремила взгляд на ревущую в вышине стальную птицу. — Господи, неужели там наш Гордон?

Кен уселся рядом с зятем, потирая ноющую от горного воздуха поясницу, но глаз от неба уже не отводил. Его близорукость сейчас компенсировалась тем самым внутренним чутьем старого мастера — он не видел деталей, но кожей чувствовал, как тяжело приходится металлу там, наверху, под управлением его внука.

— А где Кристина, Энни? — Кен покрутил головой, выискивая в толпе внучку. — Она что, пропускает такое зрелище? На неё это не похоже.

Анна вздохнула, на секунду поправляя на запястье свой маленький хронометр, стрелки которого неумолимо бежали вперед.

— У неё занятия в Боулдере, папа. Профессор отказался переносить зачет по гидродинамике даже ради выпуска брата. Она просто физически не успеет доехать, как ни пыталась. Обещала успеть только к самому банкету.

— Жаль, — проворчал Кен, снова задирая голову к солнцу, где «Фантом» как раз выходил из крутого пике, заставляя всю трибуну затаить дыхание. — Девчонка хоть и ветреная, а в этих ваших самолетах понимает побольше моего. Погляди-ка, Дэвид, он ведь её сейчас сорвет в штопор… Нет, смотри-ка, вытянул! Чисто пошел.

Генерал Кэмп ничего не ответил, но его плечи под тяжелыми погонами заметно расслабились, а рука в перчатке одобрительно сжала плечо тестя. Семья была в сборе, а в небе над Колорадо их мальчик писал историю своей новой, реактивной эпохи.

Анна медленно подняла руку, скользнув тонкими пальцами по дужке своих темных очков, и чуть сдвинула их на кончик носа. Её палец привычно коснулся холодного ободка хронометра на запястье. Она всматривалась в маневр самолета не как любящая мать, а как ученый, знающий цену каждому кубическому сантиметру воздуха.

Вдруг раскатистый, бьющий по перепонкам звук реактивного двигателя резко схлопнулся, сжавшись до глухого, ред-

кого сердцебиения, стучащего прямо в висках.

Весь огромный мир Академии замер. Время остановилось. Лакированные прически дам, взметнувшиеся от ветра полы генеральских кителей, застывшие в аплодисментах руки гостей — всё превратилось в неподвижную декорацию. На застывший в ослепительно синем небе угловатый силуэт «Фантома» и неподвижные клубы жирного черного дыма стремительно наложилась призрачная графическая сетка — векторный аэродинамический чертеж, который Анна видела внутренним зрением. Гладкие, плавные линии обтекания крыла, до этого ровно скользившие по металлической обшивке, на самых законцовках плоскостей внезапно изломились. Они потеряли симметрию и превратились в хаотичную, рваную спираль турбулентности. Прямо перед глазами Анны в этой звенящей тишине тревожно вспыхнули воображаемые математические символы: «$\alpha > 22°$» и ярко-красное, пульсирующее «STALL WARNING». Критический угол атаки. Срыв потока.

Мгновение — и реальность вернулась с реактивным ревом. Время снова запустилось на полную мощность, обрушив на трибуны грохот форсажа и восторженные крики толпы.

Анна резко подалась вперед, почти касаясь плеча мужа. Ей пришлось говорить громко, пробиваясь сквозь нарастающий шум восхищенных гостей и непрекращающийся рев истребителя: — Он заваливает левое крыло!

Дэвид, завороженный полетом, продолжал с восхищением следить за тяжелым истребителем. Он даже не повернул головы, лишь шире улыбнулся, гордясь каждым движением машины в небе. — Он лучший на курсе, любимая! Пусть наслаждается!

— Дым, Дэвид, — в голосе Анны, обычно таком сдержанном, прорезались нотки доктора наук.

Генерал Кэмп слегка прищурился, глядя на темный шлейф, тянущийся за сыном. — Это точно, дымит он нещадно. J79 всегда оставляет за собой этот след, ты же знаешь.

— Поток срывается с законцовок, — отрезала Анна, не сводя напряженного взгляда с колеблющегося в мареве силуэта. — Машина дергает носом. На выходе из колокола он слишком задрал нос, плоскости теряют опору!

Дэвид уверенно положил свою широкую ладонь в перчатке поверх её тонких пальцев, сжимающих край трибуны, и спокойно, с уверенностью кадрового военного произнес: — Не волнуйся, Энни. Это лучший истребитель страны. Из этой петли он выйдет победителем.

3

— Горд! Правое крыло валит! Мы падаем на левый бок! — заорал в интерком Питер.

Асимметрия тяги сработала грубо, с жутким металлическим стоном, который, казалось, прошил обшивку насквозь.

Стальное чудовище вздрогнуло всем своим многотонным телом, левое крыло нехотя, со скрипом зацепилось за плотный воздух, и вращение прекратилось. Земля за стеклом перестала кружиться сумасшедшим волчком, стремительно превращаясь в ровную, несущуюся навстречу серую полосу. Гордон плавно, до хруста в суставах, вытянул ручку на себя, выводя «Фантом» из отвесного пике у самой кромки верхушек деревьев. Тяжелая машина пронеслась над аэродромом, подняв волну горячего воздуха, и свечой ушла в безопасное небо.

В наушниках шлемофона воцарилась тишина, прерываемая лишь свистом кислорода и частым дыханием Питера. Наконец, штурман шумно выдохнул, и его голос через интерком зазвучал на удивление спокойно, хоть и слегка дрожал:

— Ты слышал, Горд... как-то раз пилот гражданских авиалиний забыл выключить связь с салоном и сказал на весь самолет: «Сейчас выпью кофе и развлекусь со стюардессой».

Гордон слабо усмехнулся под резиновой маской, чувствуя, как по спине между лопаток катится капля холодного пота. Сердце всё еще колотилось в ребра, как бешеное, но пальцы уже уверенно и мягко лежали на тумблерах. Он перевел дыхание, сбрасывая обороты двигателей до крейсерских, и нажал кнопку связи на секторе газа.

— Вышка, маневр окончен, — голос Гордона в рации прозвучал абсолютно ровно, словно и не было этих страшных секунд над трибунами. — Ухожу на базу Петерсон. Передай-

те генералу Кэмпу: его старые «Мустанги» так не умели.

Секунду рация шипела статической помехой, пробивающейся через горный воздух, а затем прорезался голос диспетчера:

— Принято, Красавчик. Твой старик доволен. Земля ждет.

Гордон заложил пологий вираж, уводя «Фантом» в сторону посадочной полосы Петерсон. На VIP-трибуне генерал Дэвид Кэмп медленно опустил бинокль. Он оставался внешне спокойным, но Анна видела, как глубоко и облегченно выдохнул её муж. Кен Филлипс снова надел свои очки, недовольно бурча под нос что-то про сумасшедших мальчишек, а Мэгги наконец разжала пальцы, отпуская рукав его серого костюма. Напряжение отступило, оставив лишь прозрачный горный воздух и рокот удаляющихся реактивных двигателей.

В ту самую секунду, когда оглушительный «Фантом» на бешеной скорости пронёсся прямо над площадью, над рядами построения прозвучала финальная, самая долгожданная команда выпуска.

Шестьсот белоснежных фуражек одновременно взлетели в пронзительно-синее небо Колорадо. Они взмыли огромным живым облаком, на мгновение смешиваясь с остатками черного шлейфа уходящего истребителя. Сотни вчерашних курсантов взорвались оглушительным, неистовым криком во все горло. Новоиспеченные офицеры бросились об-

нимать друг друга, напрочь забыв о строгой уставной дисциплине.

На VIP-трибуне в едином порыве все офицеры вскочили со своих мест. Генералы, полковники, иностранные атташе бурно, не жалея ладоней, аплодировали блестящему пилотажу и новому поколению защитников неба.

Дэвид Кэмп легко поднялся во весь рост. На его строгом, привыкшем скрывать эмоции лице впервые за весь этот долгий день появилась открытая гордая отцовская улыбка. Он выпрямился, расправив широкие плечи, и застыл, отдавая воинскую честь тающей в небесной вышине точке, где скрывался его единственный сын. Анна крепко держала Дэвида под руку. Её пальцы в темно-синих перчатках слегка подрагивали, и она проводила улетающий истребитель долгим, по-прежнему тревожным взглядом матери и ученого. Она слишком хорошо знала капризы какой стихии только что укротил её мальчик.

И пока вокруг гремели восторженные аплодисменты, а сотни глаз на трибунах провожали взглядом стремительный стальной силуэт, в наушниках шлемофона на высоте нескольких тысяч футов звучало продолжение истории. Голос Питера через интерком, всё еще слегка хриплый от пережитых нагрузок, весело докладывал своему другу и командиру:

— Так вот, Горд… Стюардесса это услышала и со всех ног побежала в кабину, чтобы предупредить пилота, что его сло-

ва слышны абсолютно всем в салоне. Ну, бежит она, торопится, спотыкается и со всего размаху падает прямо в проходе. А какой-то дед из первого класса благодушно так ей вслед говорит: «Да не спеши ты так, дочка, он же ясно сказал — сначала кофе!»

Тяжелый истребитель окончательно превратился в крошечную, едва заметную точку на горизонте. Раскатистый реактивный рев постепенно затих, растворяясь в прозрачном горном воздухе Колорадо, оставляя огромную площадь наедине с летящими к земле белыми фуражками и счастливым гомоном толпы.

4

Горное солнце нещадно палило взлётную полосу базы Петерсон. От раскалённого бетона шёл густой, сильный жар, заставлявший дальние силуэты ангаров дрожать в мареве. Воздух казался сухим и неподвижным.

Гордон Кэмп и Питер Сиверс неторопливо шагали по рулёжной дорожке, оставляя позади остывающий «Фантом». На обоих были тяжелые высотные комбинезоны, густо пропитанные потом и расстёгнутые у самого ворота. На их лицах всё ещё горели глубокие, багрово-красные следы от плотно прижатых в полёте кислородных масок, а в руках парни тащили свои массивные шлемы. Несмотря на предельную усталость, они выглядели невероятно довольными.

Гордон своими строгими, породистыми чертами лица разительно напоминал отца, но сейчас его суровость полностью растворилась в открытой, широкой улыбке. Палящие лучи солнца высвечивали мокрые от пота темные волосы, прилипшие ко лбу. Питер же был его полной противоположностью — простой рыжеволосый парень, чуть ниже ростом, но куда более плотного, крепкого сложения. Его буйные огненные вихры после шлемофона торчали во все стороны, придавая штурману озорной и взъерошенный вид.

Им навстречу, нарушая все правила аэродромного режима, с громкими криками бежала толпа однокашников — таких же молодых, только что выпустившихся лейтенантов. Воротники их парадных кителей уже были бесшабашно расстёгнуты, а белые фуражки, улетевшие в небо на площади, так никто и не подумал искать.

— Это было невероятно, лейтенант Кэмп! — на бегу заорал первый из подбежавших курсантов, тяжело дыша и широко разводя руки. — Ты просто стёр эту вип-площадь в порошок! Мы думали, вы там крылья оставите!

— Гордон, чертяка! — второй лейтенант с размаху припечатал ладонь к плечу Гордона, едва не заставив того выронить шлем. — Сегодня мы нажираемся в хлам! Это официальная, освящённая веками традиция нашего выпуска, так что никаких возражений, сынуля! Приказ не обсуждается!

Окружающие лейтенанты дружно и громко рассмеялись, наперебой выкрикивая одобрительные слова. Питер тут же

оживился, его усталость словно рукой сняло. Он выставил вперед указательный палец, заглядывая Гордону в лицо:

— Я только за! И заметьте, парни, этот великий рыцарь неба еще в прошлый четверг проспорил мне ящик «Будвайзера». Стоп! Какой там «ящик»?! Нет! Два ящика! Он обещал, и у меня есть свидетели на командной вышке!

Гордон устало, но очень тепло улыбнулся. Он поднял свободную руку вверх в защитном, шутливом жесте, качая головой под напором облепивших его друзей.

— Ребят, правда, сегодня без меня, — выдохнул он, пытаясь перекричать гомон. — Я никак не могу. Рад бы, но никак.

— Да брось ты, Кэмп! — разочарованно протянул второй курсант, шутливо толкая его в бок. — С каких это пор лучший пилот курса бегает от хорошей выпивки? Ты же у нас герой дня!

— С тех самых пор, — Гордон заговорщически подмигнул толпе, — как мой отец ждет меня на праздничный семейный ужин. Строго в девятнадцать ноль-ноль. Если я опоздаю хотя бы на минуту или, не дай бог, приду навеселе — генерал-лейтенант Кэмп лично выбросит меня в окно. Без парашюта. С третьего этажа.

Толпа снова взорвалась дружным хохотом. Лейтенанты закивали, прекрасно зная железный характер Суперинтенданта Академии.

— Да, парни, тут он прав, с нашим генералом шутки плохи, — ухмыльнулся третий курсант, поправляя ремень. —

Пожалуй, целая шкура лейтенанта нам дороже.

— Ладно, Горд, спасай свою задницу, — Питер по-дружески с размаху хлопнул Гордона по влажной спине комбинезона. — Но пиво с тебя не списывается, учти. Оно просто переходит на следующий уик-энд с грабительскими процентами. Всё, иди к папочке, пока он не объявил план «Перехват».

Гордон весело помахал парням рукой на прощание и, развернувшись, направился в сторону административного выхода с аэродрома. Солнце продолжало нещадно плавить бетон, но он шёл легким, пружинящим шагом, чувствуя себя в эту минуту невероятно, абсолютно счастливым человеком.

5

Питер Сиверс и Гордон Кэмп. Это была легендарная пара, и статус отца Гордона здесь совершенно не причем. Они познакомились на первом курсе, осенью 1962 года.

Субботнее увольнение в Колорадо-Спрингс дышало гражданской свободой, дешевым одеколоном и огнями придорожного кафе. Четверокурсница местного колледжа Элис сидела у стойки, лениво помешивая соломинкой вишневую содовую. Ее светлые кудри и легкий смех притягивали первокурсников Академии ВВС как радарная станция.

Гордон Кэмп стоял чуть поодаль, уверенно опершись о лакированное дерево. На его форме не было ни единой складки, а вежливая, породистая улыбка Кэмпов уже растаплива-

ла девичьи сердца. Гордон только успел протянуть руку, чтобы перехватить у бармена стакан, как между ним и Элис выросла широкая фигура в кадетском кителе.

— Джентльмен в левом кресле, уступите глиссаду, — раздался хрипловатый голос. Рыжие вихры парня упрямо топорщились во все стороны, нарушая уставы, а во взгляде плясал азарт. — Элис обещала этот танец парням из третьей эскадрильи. Конкретно — мне.

Гордон медленно повернулся. В его глазах вспыхнул породистый генеральский блеск, который подчиненные отца знали слишком хорошо.

— Этажерка, вы перепутали эшелон, — процедил Гордон, сокращая дистанцию. — Убирайся в ангар, пока цел.

— А то что, сынок? Папочке пожалуешься? — Парень нагло ухмыльнулся, и его кулак без предупреждения влетел Гордону в челюсть.

Удар был знатный. Гордон отлетел на пару футов, с грохотом сбивая хромированный стул, но тут же пружиной взвился на ноги. Из разбитой губы Кэмпа брызнула кровь. С яростным рыком он бросился на наглеца. В следующую секунду пространство маленького бара смялось: они сцепились мертвой хваткой, сшибая столики, круша стаканы и катаясь по опилкам пола под визг Элис и крики бармена. Они молотили друг друга с упоением, яростно и честно, пока подоспевший патруль военной полиции со свистом не растащил их в разные стороны.

Через два часа, сидя на бетонном полу карцера военной комендатуры, они выглядели скверно. У Гордона стремительно заплывал левый глаз, а у Питера из порванного уха сочилась кровь, пачкая воротничок. Сиверс тяжело выдохнул, привалился затылком к сырой стене и вдруг хрипло рассмеялся.

— А ты... неплохо держишь удар, Кэмп. Для генеральского сынка — просто на все сто.

Гордон сплюнул кровь, повернул к нему разбитое лицо и, помолчав секунду, открыто улыбнулся.

— Ты тоже... рыжий. Сиверс, верно?

— Питер, — парень протянул свою огромную, сбитую в кровь ладонь.

Гордон с хрустом сжал ее. Элис была навсегда забыта в том баре, а на полу карцера началась дружба, которую уже ничто не могло разорвать.

О них ходили легенды в Академии, но однажды Генералу все же пришлось вмешаться.

Колоссальное пространство амфитеатра Академии тонуло в скуке. На трибуне пожилой гражданский профессор монотонно, с присвистом бубнил лекцию по высшей математике, выводя мелком ряды дифференциальных уравнений на доске. Двести кадетов второго курса сидели серыми рядами, уставившись в тетради отупевшими взглядами.

На четвертом ряду Питер Сиверс, подперев голову рукой, лениво крутил в пальцах карандаш. В его взгляде блестел тот

опасный, мальчишеский огонек, который всегда предвещал катастрофу. Он наклонился чуть ближе к Гордону и негромко, но отчетливо зашептал:

— Горд, слышишь... Летят, значит, вьетконговец, француз и наш сержант морской пехоты на вертолете над Мекongом. Двигатель глохнет, пилот орет в интерком: «Парни, машина перегружена, нужно сбросить лишний вес, иначе рухнем!». Француз встает, кричит: «За прекрасную Францию!» — и прыгает вниз. Вертолет всё равно падает. Вьетконговец встает, кричит: «За товарища Хо Ши Мина!» — и выбрасывает... нашего сержанта.

Гордон, до этого момента сосредоточенно записывавший формулы, инстинктивно прикусил губу. Его плечи начали судорожно подрагивать от сдерживаемого смеха.

— Заткнись, Пит... — выдавил он сквозь зубы, чувствуя, как лицо наливается кровью. — Заткнись, нас засекут.

Но Сиверса было уже не остановить. Почуяв кровь, парень выдал финальную реплику, скорчив такую уморительную мину, что сидевшие рядом кадеты из пятой эскадрильи прыснули первыми. В следующую секунду вирус смеха пополз по рядам амфитеатра. Сначала это было тихое, сдавленное хрюканье, но уже через мгновение четвертый и пятый ряды буквально взорвались хохотом. Кадеты сползали под столы, утыкались лицами в планшеты, а профессор на трибуне растерянно замер, выронив мел.

Дверь в дальнем конце зала отворилась с тихим, злове-

щим щелчком.

Гул смеха в ту же секунду срезало как затвором. Двести мальчишек мгновенно вытянулись в креслах по струнке, вжимая головы в плечи. По проходу, мерно чеканя шаг, шел Суперинтендант Академии, генерал-лейтенант Дэвид Кэмп. Его синий форменный китель не предвещал ничего хорошего, а пронизывающий взгляд был устремлен на четвертый ряд. Генерал остановился прямо напротив сына и Питера, заложив руки за спину. В зале повисла такая звенящая тишина, что было слышно, как на стене тикают часы.

— Кадет Сиверс, — голос генерала прозвучал негромко, но от этих раскатов грома у Питера мгновенно пересохло в горле. — Я вижу, высшая математика вызывает у вас избыток жизненных сил?

— Никак нет, сэр! — Питер вытянулся, его уши горели пламенем.

— Кадет Кэмп, — Дэвид перевел тяжелый взгляд на сына. — Вы, как старший в ряду, обязаны были пресечь этот балаган.

— Виноват, сэр, — отчеканил Гордон, глядя строго перед собой, в пустоту.

Дэвид Кэмп окинул их обоих строгим взглядом боевого пилота, не делая никакой скидки на фамилию.

— Обоим — по пять нарядов вне очереди. Начиная с сегодняшнего вечера. Будете перебирать картошку на центральной кухне Академии до тех пор, пока ваши математические

анализы не придут в полное соответствие с уставом. Профессор, продолжайте лекцию.

Генерал круто развернулся через левое плечо и чеканным шагом вышел из зала. Гордон и Питер остались стоять, провожая взглядом его прямую спину.

— Ну вот... — тихо, одними губами прошептал Питер, когда дверь за генералом закрылась. — Зато весь курс теперь знает, что морпехи — это сила. Ты умеешь быстро чистить картошку, Горди?

Но несколько иное впечатление на Питера произвел новый истребитель двумя годами позже. Они с Гордоном, единственные из курса, получили возможность пройти подготовку на новейшей боевой машине. Их первое знакомство с «Фантомом» ошеломило обоих.

Солнечный свет плотными столбами резал пространство бетонного перрона. Дэвид Кэмп лично, используя свои министерские квоты и старые связи, пробил для сына и его штурмана курс переподготовки на новом истребителе, минуя общую длинную очередь.

Гордон и Питер, щурясь от яркого солнца, шли вслед за техником эскадрильи мимо рядов поршневых машин. Наконец, они остановились у отдельного, обнесенного колючей проволокой капонира.

Там, тяжело осев на массивные стойки шасси, застыл он. Культовый, еще секретный F-4 Phantom II.

Машина выглядела монументально и странно. Длинный

носовой обтекатель, в котором прятался мощный радар, переходил в угловатый фюзеляж с двумя провалами воздухозаборников, похожими на жабры хищной рыбы. Но главная странность была в геометрии: законцовки его коротких стреловидных крыльев были резко загнуты вверх под углом двенадцать градусов, а тяжелое хвостовое оперение, наоборот, было скошено вниз, словно самолет постоянно ломал собственную траекторию. От всей этой двадцатитонной туши дюраля дышало скоростью и какой-то противоестественной, ломаной аэродинамикой.

Гордон остановился, завороженно глядя на хищную птицу. В его взгляде загорелся тот самый фамильный, упрямый восторг пилота.

— Боже мой, Пит... — выдохнул он, делая шаг вперед и касаясь прохладного металла обшивки под крылом. — Ты только посмотри на него. Два двигателя J79 от General Electric. Это же чистая дурь. Мы будем летать быстрее звука в два раза!

Питер Сиверс не шелохнулся. Он почему-то засунул руки в карманы своего летного комбинезона, странно прищурился, медленно обошел истребитель кругом, скептически разглядывая загнутые вверх крылья и тяжелый, куцый хвост. Он поправил пилотку на рыжих вихрах, подошел к Гордону и угрюмо покачал головой.

— Ничего хорошего, Горд, из этого не выйдет, — тихо, но удивительно прозорливо произнес он, и в его голосе впервые

прорезался серьезный тон. — Ты посмотри на его геометрию. Крылья наверх, хвост вниз... Он похож на ворону, которой что-то вкололи в лаборатории, и она выросла до размеров слона. Не нравится мне все это. Не спрашивай почему.

Гордон весело хлопнул друга по плечу, не поверив его мрачному пророчеству:

— Брось, Пит! Тяга лечит всё! Дай этой птице полный форсаж, и она проткнет любое облако.

Питер Сиверс лишь молча посмотрел на сопла реактивных двигателей и решил, что бояться, наверное, нечего — рядом Гордон Кэмп, пилот от бога. Так, как Горди, с самолетами не управлялся никто в Академии. И все курсанты, от самых молодых до двадцатидвухлетних выпускников знали — отчаянный и сверхточный пилотаж Кэмпа-младшего был результатом не папиной протекции, а невероятного таланта, умноженного на сотни часов изнурительных тренировок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.